

Анастасия Кольцова

Барышня-попаданка

УДК 82-312.9
ББК 84-445
К62

Кольцова А.

К62 Барышня-попаданка / Анастасия Кольцова. – М.: Литнет, 2026. – 252 с.

ISBN 978-5-521-93990-9

Любопытство до добра не доводит – взяв в руки старинные часы, я оказалась в девятнадцатом веке. Но не для того я учусь на инженера, чтобы застрять во временах кисейных барышень! Использую всю свою смекалку, и обязательно найду способ вернуться домой! Попутно разберусь, как вести себя в высшем обществе, проучу одного мерзкого интригана, придумаю, что делать с внезапно объявившимся женихом и его заносчивым братом, с которым мы с первого взгляда друг друга возненавидели... Но что мне делать с собственным сердцем, которому плевать на все логические доводы, и которое говорит, что я должна остаться??

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-93990-9

© Литнет, 2026

© Кольцова А., 2026

Часть I

Ненавижу и хочу вернуться

Пролог

- Девушка, здесь нельзя фотографировать.
- Но это мой жених! И я рядом с ним, между прочим. Неужели не видно?

Смотрительница музея щурится сквозь большие круглые очки то на меня, то на картину, осуждающе покачивает головой с высокой причёской, и наконец, многозначительно выдаёт:

– Ну вы, деточка, и выдумщица. Хотя и правда есть что-то общее. Может, ваша пра-пра-пра... – пожилая женщина заводит глаза вверх, подсчитывая, кем могла бы быть мне девушка с картины. – В каком году написано полотно? В тысяча восемьсот одиннадцатом? Точно, незадолго до Отечественной войны двенадцатого года. Сколько поколений с тех пор сменилось...

– Угу, – поддакиваю заболтавшейся смотрительнице, и пока она предаётся математическим подсчётам, тихонько фоткаю картину. В памяти моего телефона поселяются темноволосый молодой человек в синем фраке и в упор смотрящая на зрителя девица в белом платье с высокой талией и рукавами-фонариками – в начале девятнадцатого века была мода на ампир.

– Это хорошо, деточка, что вы историей интересуетесь, – продолжает словоохотливая смотрительница, не замечая моих шалостей. – Эх, какие мужчины тогда были – какая стать, какая выправка, какой взгляд... Не то что теперешние тиктокеры. Да и девушка не чета нынешним – мягкая, женственная, одухотворённая. Вам бы волосы прибрать, джинсы на платье сменить, и будете на неё похожи.

– Не-е, спасибо, мне и так неплохо, – усмехаюсь я и встряхиваю своими вечно взлохмаченными русыми патлами. Ух, как же классно ощущать их на своих плечах и спине, а не зачёсанными где-то на макушке.

Конечно, сто раз, интересуюсь я историей. Знала бы эта наивная женщина, как сильно «деточка» ненавидит эту чёртову историю и всё, что с ней связано! Например, историков. Из-за одного такого историка...

Прощаюсь со смотрительницей, бросаю прощальный взгляд на парный портрет князя Орлова и его невесты Дарьи Алексеевны, и покидаю здание Третьяковки. Втыкаю наушники, ныряю в метро и поудобнее устраиваюсь в полупустом вагоне – благо ехать без пересадок. Достая телефон, и под тревожно звучащий в наушниках «Декабрь» Вивальди (вот уж не думала-не гадала, что буду такое слушать), разглядываю тайком сфотографированный в музее портрет.

Князь Орлов. Чтобы лучше рассмотреть его лицо, провожу пальцами по экрану телефона, увеличивая фото. Смотрю в синие глаза человека, который жил двумя веками ранее, и надолго погружаюсь в невесёлые мысли. Двести лет. Целых двести лет.

Дарья Алексеевна. Вглядываюсь то в своё расхлябанное отражение в окнах вагона метро, то в аккуратные миловидные черты этой пафосной дамочки. Ну какая же она мягкая, женственная и одухотворённая? Смотрительница явно что-то напутала, эта девица совсем не такая. Она вредная, ехидная, находчивая, целеустремлённая, бесшабашная, самоуверенная, и если уж что-то задумала, то обязательно этого добьётся.

Кому как ни мне всё это знать, ведь она – это я, Даша Скворцова. Студентка-третьекурсница факультета машиностроительных технологий, и по совместительству невеста князя Орлова из девятнадцатого века.

Как так вышло? До сих пор не нашла точного ответа на этот вопрос. Только одно могу сказать наверняка: я этого не хотела. Но ес-

ли бы у меня был шанс вернуть всё назад, я бы, не раздумывая, всё повторила. Начиная с того самого вечера, когда я отправилась в гости к однокурснику Максиму Алексееву, чтобы сделать лабораторную по физике...

1. Попытка № 5

С красивым однокурсником Максом мы скорешились во время практики на сталелитейном заводе. После этого немного потравили байки, сидя на парах, и вот решили курсач вместе делать. Совместить, так сказать, полезное с приятным, потому что и мне, и ему было понятно, что совместная работа над курсачом вполне себе может вылиться во что-то более интересное, чем просто проведение опытов и решение задачек.

Перекусили после пар в студенческой столовой и поехали к Макс-у. Ну а что? Нужно же обсудить курсач в деталях – определить, кто какую лабораторку делать будет, что будем писать в текстовой части. Столовка для таких важных бесед совсем не подходит!

Разглядывая красивый профиль однокурсника, зависшего на поручне вагона метро, я думала о том, что, кажется, наконец нашла то, что искала. Того, кого искала. Ну а что? Макс соответствовал всем моим высоким стандартам – он был высоким, он был блондином, а ещё он не был тупым и у него было чувство юмора. До того, как мы с ним начали общаться, я ещё никогда не встречала парня, настолько мне подходящего!

Хотя мои попытки его встретить начались ещё в одиннадцатом классе.

Моей первой попыткой найти родственную душу стал весёлый одноклассник-футболист, который сбежал от меня после того, как я «сделала» его на уроке алгебры. Математичка любила вызывать к доске сразу двоих учеников, давать им одно и то же задание, а потом разворачивать доску и сравнивать результат.

«Настоящая девушка поддалась бы», – сказала моя несбывшаяся пассия после своего математического фиаско. Ну да, конечно! Откуда ж мне было знать, что и как он там решал со своей стороны доски? Мир его тройбану по алгебре, после расставания я перестала давать ему списывать.

Моя второй попыткой найти свою любовь стал парнишка с факультета информатики. Он был умным и серьёзным, а ещё у него были очень подробные и детально расписанные планы на жизнь. Во время нашего первого свидания в парке он без конца рассказывал, что дама его сердца должна будет воспитывать в загородном доме парочку детишек, пока он в поте лица (и живя в московской квартире) будет заниматься развитием своей фирмы, которую когда-нибудь обязательно откроет.

Правда, пока ему не до этого, сейчас он очень нужен своей маме – в театр выгулять, в походах по магазинам компанию составить. Ах да, его мама тоже будет жить в загородном доме вместе с невесткой и внуками, она очень любит свежий воздух.

Я поинтересовалась, зачем ему отношения, если он и так уже с мамой встречается, он почему-то обиделся и бросил меня прямо в том же парке. Хорошее место, кстати, мороженое там вкусное продают.

Во время свидания с третьей попыткой я была в чудесном настроении и без умолку травила анекдоты – какие-то об инженерах, какие-то о поручике Ржевском. Судя по всему, мои анекдоты не зашли, потому что он (третья попытка, а не поручик Ржевский) сказал, что ему срочно нужно домой, и больше на связь не выходил.

С четвёртой попыткой мы не на жизнь, а на смерть сцепились по поводу того, были ли американцы на Луне – конечно же, этот олух утверждал, что полёт был инсценировкой! Я доказала ему, что он абсолютно не прав, вот только вместо того, чтобы порадоваться рождению в нашем споре истины, он почему-то тоже от меня сбежал.

Я долго не переживала – туда ему дорога. Мало того что неуч, так ещё и ошибки свои признавать не умеет! Благо студентки инженерных вузов от недостатка парней не страдают, в нашей группе их целых девятнадцать человек, одиннадцать из которых до сих пор свободны.

Так что Макс стал моей пятой попыткой не умереть в компании сорока кошек (или как там говорят о девушках, не нашедших нор-

мального парня в ворохе маменькиных сынков, тупиц, и мальчиков ниже ста восьмидесяти см).

– Даш, возвращайся в мир живых, наша станция, – щёлкает у меня перед носом Макс, и мы покидаем душный вагон. Выход через турникеты, десять минут по аллее, только-только начинающей разбавлять зелёные оттенки жёлтыми и золотистыми, и вот мы, наконец, добираемся до дома, в котором Макс живёт с родителями и старшим братом. Вовремя, а то так пить захотелось.

– Раздевайся, я пока чайник поставляю, – как только мы заходим в квартиру, однокурсник указывает рукой на вешалку, и, не раздеваясь, убегает куда-то вглубь розовато-бежевого коридора. Пока Макс тусит на кухне с чайником, я снимаю кроссовки, вешаю на крючок джинсовую куртку и начинаю разглядывать висящие на стенах графюры в позолоченных деревянных рамах. Старинная Москва, парадные залы, полные мужчин во фраках и дам в длинных платьях, всадники, сцены сражений...

– Это старший брат собирает, он у меня историей увлекается, – кивает вернувшийся Макс, швыряя в угол правый ботинок и стягивая левый. – Если хочешь, можешь тапки надеть, вон те синие у нас для гостей.

– Странное увлечение, – протягиваю я, засовывая ноги в тапки и вспоминая занудные уроки истории, преследовавшие меня вплоть до второго курса универа.

– Да уж. Не поверишь, он ещё в музее историческом работает. Младший научный сотрудник! – с гордостью сообщает однокурсник и снисходительно добавляет, швыряя в угол второй ботинок: «Должен же кто-то в семье быть гуманитарием. Пойдём, покажу тебе квартиру, пока чайник греется».

Как любой нормальный человек, попавший после учебного дня в свою комнату, первым делом Максим включает комп. Надо же в соцсети зайти, ютубчик посмотреть или пострадать ещё какой-нибудь далёкой от учёбы фигнёй.

– Какая мощность? – спрашиваю я, примостившись на край компьютерного стола и поглаживая стильный деревянный корпус навороченных колонок.

– Сто двадцать ватт, – Макс тоже проводит рукой по гладкой поверхности, и как бы случайно его рука оказывается поверх моей, отчего я покрываюсь мурашками, знакоюсь с бабочками, и в голову лезет разная романтическая фигня.

– Фига се, – я встряхиваю волосами и пододвигаюсь ближе к сидящему в компьютерном кресле Максy. – Домашние дискотеки устраиваешь?

– Ага, знала бы ты, как брат бесится, – довольно ухмыляется Макс, поглаживая мою руку. – Хочешь что-нибудь послушать?

– Давай, – охотно соглашаюсь я. Пришла пора заценить твои музыкальные вкусы, «кандидат в депутаты».

– Ты тоже слушаешь «Раммов»! – восторженно сжимаю я руку Макса, лишь только заслышав первые обманчиво-умиротворяющие нотки, предшествующие зловещему голосу Тилля Линдеманна. – Здорово!

– Да, люблю «Раммштайн», – Макс переплетает свои пальцы с моими. – И вообще, тащусь по металлу, слушаешь «Слипкнот», «Металлику», «Буллетов»?

Боже, этот парень идеален, у нас с ним даже музыкальные вкусы совпадают! Даже мой любимый братишка, с которым у нас так много общего, какую-то попсово-клубную фигню слушает.

– Давай пока чай пьем покажу тебе комнату брата, у него там иногда такие странные штуки лежат, что я офигеваю, – заговорщицки предлагает Макс, как бы невзначай касаясь второй рукой моего колена. – Этот зануда не любит, когда я у него шарюсь, но сейчас он в своём музее, так что почему бы нет? Я у него один раз старинный меч видел, а в другой раз – пепельницу из настоящего человеческого черепа!

– Крутяк, давай посмотрим, – соглашаюсь я и прыгаю со стола. Пару секунд мы с сидящим на кресле Максом не отрываясь смо-

трим друг на друга, мне кажется, он чувствует то же, что и я. Ещё доля секунды – и...

– Чайник, наверное, уже вскипел, – не вовремя вспоминает Макс, и я неохотно отвожу взгляд от его невероятных, потрясающих, умопомрачительных голубых глаз. Мы проходим на большую светлую кухню, Макс разливает чай, и с кружками наперевес вторгается в комнату младшего научного сотрудника.

По сравнению с коридором, кухней и комнатой Макса комната его брата оказывается на редкость душевной и тёмной. Только когда однокурсник щёлкает выключателем я, наконец, вижу наглухо задвинутые тёмные шторы, старинный шкаф с книгами, деревянный рабочий стол, заваленный диковинными историческими штуковинами.

– Ему на работе по башке не настучат, за то, что он всё это домой тащит? – отхлебнув из кружки горячий чай, ставлю её на стол, и на этот же стол усаживаю себя, подвинув какой-то грязный глиняный горшок. Кажется, я сегодня на всех столах в этом доме посидеть успею.

– Не, не настучат, папин друг зам директора музея, так что братану там всё с рук спускают, – смеётся Макс. – Поэтому он безнаказанно притаскивает домой разное барахло из запасников и типа «изучает» его.

– О, я бы вот эту штуку изучила, – выцепляю взглядом и достаю из кучи исторического барахла серебристый шлем, заострённый на макушке. – Хочешь примерить?

– Конечно, для полного счастья мне не хватает только этого шлема, – угорает Макс, и я водружаю ему на голову громоздкий головной убор, оказавшийся более тяжёлым, чем я предполагала.

– Давай и тебе что-нибудь подберём, – Макс достаёт из кучи на столе наручные часы. – Как тебе?

– Да ну, на них ни ремешка, ни цепочки, – отмахиваюсь я. – Интересно, они вообще ходят? Дай-ка посмотреть!